

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КАШТАНОВА СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА

ТРАНСГРЕССИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ

Специальность 09.00.11. – социальная философия

Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Санкт-Петербург – 2016

Работа выполнена на кафедре социальной философии и философии истории
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Краснухина Елена Константиновна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Грякалов Алексей Алексеевич
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

кандидат философских наук
Тимофеева Оксана Викторовна
(Европейский университет (СПб))

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Защита состоится «_____» _____ 2016 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.05 на базе Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт философии, ауд. _____ .

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте Санкт-Петербургского Государственного Университета <https://disser.spbu.ru/disser/soiskatelyu-uchjonoj-stepeni/dis-list/details/14/988.html>

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Рукавишников А.Б.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одной из важнейших проблем философии является проблема подлинности бытия человека. В философии предпринимались различные попытки рассмотрения этой проблемы: она интерпретировалась как разумность, свободная от страстей, как свободное самоопределение, как диалогическое взаимодействие человека с Богом и с другими людьми, как бытие-к-смерти. Одна из версий подлинности и полноты существования человека представлена философией трансгрессии, главной темой которой становится конечность человеческой жизни и ее ограниченность культурными нормами, правилами и запретами.

В рамках данного исследования трансгрессия, рассмотренная в своих конкретных проявлениях в жизни человека и общества, в первую очередь понимается как неприятие и потому оспаривание непреодолимого предела, как манифестация человеческого несогласия с ним. В качестве такого предела в самом широком смысле выступает именно конечность человека, его незавершенность и смертность. Опыт собственной конечности недоступен человеку в его обыденной жизни, поскольку имеется тенденция исключать идею смерти из социально-полезных практик как деструктивную и вызывающую тревогу. Идея конечности, таким образом, опосредуется множеством различных социальных и моральных норм и законов, задача которых состоит в поддержании эффективности и устойчивости социального универсума, в ограждении его от хаотического начала смерти, источником которого понимается природная, естественная жизнь. Однако подобное ограничение приводит к тому, что индивид оказывается отчужден от своего подлинного бытия, представленного не только позитивными формами сохранения и умножения жизни, но также и испытанием ее конечности, в которой реализуется именно человеческий модус существования. Доступ к подлинному бытию открывается в актах трансгрессии, нарушения установленных границ дозволенного и допустимого, принимающих формы определенных социальных и индивидуальных практик, в которых актуализируется опыт смерти и, одновременно, реализуется личная свобода

человека от заданных условий. Обнаружение подобных практик на всем протяжении человеческой истории, во-первых, указывает на тот факт, что взаимодействие человека с идеей конечности лежит в основе становления общества и культуры, и, во-вторых, демонстрирует значимость феномена трансгрессии, реализуемой в нарушении запрета, для понимания глубинной сущности социальности и человечности.

Актуальность данного исследования обусловлена также и необходимостью фиксировать существенные изменения в историко-философском процессе. Если классическая философия мыслила общество и человека в категориях бытия, сущности, закона, природы и разума, то предметом интереса современной философии трансгрессии становится опыт существования в пограничных ситуациях и лиминальных состояниях. Не закон, а способы его нарушения, не норма, а выход за ее пределы, девиантные и маргинальные формы социальной практики составляют проблемное поле тех философских дискурсов, которые анализируются в диссертационной работе.

Исследование трансгрессивных установок в индивидуальной и общественной жизни важно в общем контексте теории современного социального критицизма, имеющего разные формы и теоретические предпосылки. Очевиден антибуржуазный характер идеи трансгрессии как устремления за границы рациональности и целесообразности капитализма, трактованного в данном случае как царства утилитарности. Философия трансгрессии актуальна в качестве системы ценностей, альтернативной духу индустриального и постиндустриального общества, овеществляющего и порабощающего человека, способного бороться за свою суверенность.

Исторический процесс либерализации общества и эмансипации индивида, заложивший основы современной западной цивилизации, по-новому проблематизирует значимость запрета как водораздела между природой и культурой. Философский анализ трансгрессии дает современное осмысление значения общественного закона и культурных норм, а также многообразия эффектов их нарушения и соблюдения.

Суммируя, можно говорить о том, что тема трансгрессии приобретает несомненное значение для социальной философии, поскольку представляет собой оригинальную версию антропо- и социогенеза, позволяет вскрыть трансгрессивные основания многих социальных практик, а также обосновать наличие в человеке определенных деструктивных стремлений и проанализировать способы их выражения.

Степень разработанности проблемы. Несмотря на то, что тема трансгрессии стала предметом достаточно широкого философского интереса в середине XX века, понятие трансгрессии остается недостаточно тематизированным в социальной философии, поскольку существует не так много авторов, посвятивших свои труды исследованию этой проблемы. Проблематика трансгрессии, артикулированная именно в современной философии, органичным образом продолжает предшествующую философскую традицию, поскольку вбирает в себя многие темы, разрабатываемые на протяжении всей истории философии. Так, можно говорить о том, что одна из важнейших тем философии трансгрессии, представленная проблемой самоограничения, полагания собственных границ, задана такими классическими авторами, как И. Кант и И.Г. Фихте.

Одним из важнейших мыслителей, оказавшим большое влияние на развитие диалектических оснований проблематики трансгрессии, является Г.В.Ф. Гегель, чьи представления о соотношении господства и рабства во многом сформировали современное понимание концепта суверенности, который оказывается одним из ключевых аспектов философии трансгрессии. Философия М. Хайдеггера и его концепт бытия к смерти также оказали существенное влияние на становление философии трансгрессии.

Кроме того, можно говорить о том, что философия трансгрессии является своеобразным преодолением рационалистического видения мира, поскольку она стремится расширить те рамки, которые накладывает разум на восприятие явлений человеческой жизни, и предлагает выйти за пределы классического научного и философского знания с тем, чтобы открыть доступ к ранее

неаккумулятивным областям философского постижения. С одной стороны, это становится возможным благодаря философии жизни Ф. Ницше. С другой стороны, важную роль в этом процессе сыграло развитие психоанализа, представленного работами З. Фрейда и Ж. Лакана, в рамках которого была тематизирована проблематика желания и отвращения, ставшая ключевой для философии трансгрессии. Среди отечественных авторов, большой вклад в понимание психоанализа внес В.А. Мазин.

В XX веке тема трансгрессии, не имевшая до тех пор четкого определения, перестает быть частью спекуляций на смежные темы конечности, свободы и господства и становится самостоятельной философской проблемой. Это обусловлено в первую очередь работами Ж. Батай. Батай, будучи главным аналитиком идеи трансгрессии, развернул проблематику трансгрессии как стремления к испытанию пределов конечного, реализуемого в социальном опыте нарушения границ дозволенного, а также задал широкий круг тем, охватываемых философией трансгрессии. Для понимания философии Батай важную роль играют работы О.В. Тимофеевой.

Несомненную важность для понимания философии трансгрессии и указанных ее аспектов, нашедших выражение в определенных социальных и индивидуальных практиках, представляют работы таких авторов, как М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Р. Кайуа, а также Р. Жирар, М. Бланшо.

Исследование проблематики трансгрессии в рамках социально-политического дискурса, а именно – рассмотрение трансгрессивных основ таких явлений, как власть, война, революция, стало возможным благодаря работам следующих авторов: К. Шмитт, Ж. Деррида, Дж. Агамбен, Х. Арендт, П. Сорокин. В этой связи большой интерес представляет также осмысление взглядов революционно-анархистских мыслителей, представленных М. Штирнером, П.А. Кропоткиным, М.А. Бакуниным.

Поскольку автор исследования понимает трансгрессию как важнейший элемент становления и функционирования культуры, особую роль для данного исследования сыграли антропологические и культурологические работы таких

авторов, как Д. Фрэнкел, К. Леви-Стросс, М. Мосс, Й. Хейзинга, М. Элиаде. Среди отечественных авторов следует упомянуть М.М. Бахтина и В.Я. Проппа.

Также определенный интерес в рамках философии трансгрессии представляет осмысление литературного творчества маркиза де Сада, осуществляющего преодоление границ языка. Эротические произведения де Сада анализировались в работах таких мыслителей, как М. Энафф, Р. Барт, С. де Бовуар и др.

Кроме прочего, проблематика трансгрессии затрагивает вопросы экзистенциальной философии, такие как смертность человека, его связь с Богом и с другими людьми, незавершенность и тревожность существования, в рамках которых прослеживается особое соотношение идей трансгрессии и трансценденции. Для осмысления трансгрессии в перспективе экзистенциального дискурса автор обращался к таким философам, как К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, а также к следующим отечественным авторам: Ф.М. Достоевский, Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев.

Среди современных российских авторов, которые затрагивали в своих работах определенные аспекты проблематики трансгрессии как формы взаимодействия с пределом конечного, возможного и допустимого, важно упомянуть А.А. Грицанова, Д.Ю. Дорофеева, С.Н. Зенкина, А.И. Зыгмонта, О.В. Ивановскую, Е.К. Краснухину, Б.В. Маркова, М.А. Можейко, В.А. Подорогу, Р.В. Ткаченко, В.Т. Фаритова, С.Л. Фокина и др. Также тема трансгрессии развивается в современной зарубежной литературе, представленной такими авторами, как С. Foust, С. Jenks, J. Gregg, R. Roberts-Hughes, J. Wolfreys, P. Stallybras, A. White и другими.

Несмотря на значительный исследовательский интерес к указанной проблеме, все еще остаются малоизученными многие ее стороны и аспекты. Так, нечетко разграничены конструктивная и деструктивная роль трансгрессии по отношению к социальному порядку. Недостаточно проработаны понятийные дифференциации трансцендирования как выхода за собственные пределы или перехода границы между сферой возможного опыта и областью

интеллектуального, имманентному опыту недоступного, и трансгрессии как существования на пределе, не опирающегося на трансцендентное; предела как непреодолимого крайнего порога конечного человеческого бытия и границы как искусственного конструкта, актуализированного в запретах и нормах, в принципе подверженных нарушению. Существующие работы, посвященные теме трансгрессии, не содержат систематизации ее социальных практик по сферам общественной жизни как экономических, религиозных, литературных и др., а также по формам как коллективных и индивидуальных, предписанных социальной организацией и бунтарских по отношению к ней. Именно решению этой проблемы посвящена данная работа.

Объектом данного исследования является опыт нарушения границ и запретов как неотъемлемая часть социальной и индивидуальной жизни человека. **Предмет** исследования – социально-философский смысл и содержание трансгрессивного опыта.

Целями данного исследования являются: выявление роли и места трансгрессии в становлении человека и общества; обнаружение трансгрессивного ядра в конкретных социальных практиках и формах человеческого опыта.

Данная цель реализуется путем решения следующих **задач**:

- рассмотрение антропо- и социогенеза как амбивалентного процесса, реализующегося на стыке законотворчества и нарушения закона;
- выявление основных аспектов трансгрессивного опыта;
- тематизация феномена трансгрессии как механизма реализации и испытания конечности человека;
- обоснование связи трансгрессии с глубинным стремлением к индивидуальной свободе и завершённости;
- рассмотрение определенных форм социального и индивидуального опыта через призму трансгрессии;
- исследование социальных функций трансгрессии.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют проблемное поле и методологический инструментарий философии негативности,

позволяющие рассмотреть антитестику отрицания и утверждения при анализе социальных практик бунта, жертвоприношения и художественного творчества, провоцирующего испытание нормы. Применение диалектического метода также имело целью демонстрацию взаимообусловленности профанного и сакрального в социальных процессах общества архаического и современного.

Возможности историко-генетического метода были применены в диссертационном исследовании к анализу становления социокультурной нормативности, обусловившей противоборство природного и общественного способов самоосуществления, животной и человеческой размерности существования. Критический метод в его социально-философской аппликации дал возможность исследовать антибуржуазный потенциал философии трансгрессии и суверенности, в определенном смысле продолжающей критический анализ отчуждения и опредмечивания человеческого бытия, инициированный философией Гегеля и Маркса. Текстологический и компаративистский подходы использовались для выявления основных философских дискурсов опыта конечности человеческого существования и социально-обусловленных практик бытия на пределе возможного и санкционированного.

Научная новизна исследования обусловлена, прежде всего, обоснованием социального значения трансгрессивного опыта. Исследование трансгрессии при этом рассматривается как один из ключевых способов философского познания общества, познания основ социального бытия. Трансгрессия тематизируется не только как форма социального опыта, но и как основание социальности в целом.

Конкретная научная новизна данного исследования может быть представлена следующими положениями:

- показаны роль и значение трансгрессии для антропосоциогенеза;
- выявлена социальная роль трансгрессии, представленная, с одной стороны, как механизм нарушения, а с другой стороны, как форма укрепления и обновления социального порядка;

- обосновано динамическое соотношение трансгрессии и предела, оказывающее большое влияние как на поддержание, так и на развитие социального устройства;
- проведено концептуальное различие родственных, но не совпадающих понятий трансцендирования и трансгрессии, трансгрессии и преступления, трансгрессии и греха, предела и границы, запрета и закона;
- выявлена и обоснована связь трансгрессивных и игровых практик;
- показаны трансгрессивные основания таких форм человеческого опыта, как эротизм, смех, безумие;
- на основе анализа определенных трансгрессивных практик обозначены социальные функции трансгрессии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансгрессия является фундаментальной характеристикой человеческого бытия, поскольку само отделение человека от природного порядка уже может пониматься как трансгрессивный акт. Понимаемая как отказ подчиняться любым заданным условиям, трансгрессия формирует определенный способ отношения к действительности, который предполагает стремление человека выйти за границы должного и возможного, будь то законы природы или законы общества.

2. Взаимодействие трансгрессии и предела, представленного социальными нормами, законами морали или конечностью существования, понимается как динамическое, взаимообуславливающее, поскольку, с одной стороны, трансгрессия как нарушение границы возможна только там, где существует такая граница, и, с другой стороны, само наличие границы предполагает ее нарушение, поскольку именно в трансгрессии актуализируется ее сущность. Более того, в определенных случаях граница может устанавливаться в результате трансгрессивного акта, поэтому трансгрессия может пониматься не только как деструктивное нарушение границ дозволенного, но и как позитивное расширение социальных границ.

3. Трансгрессия предполагает выход за границы профанного миропорядка, который конституируется в рамках социально-полезной деятельности, и доступ к

сфере сакрального, в которую помещаются все аспекты социальной жизни человека, не несущие в себе утилитарной пользы. Если общество может функционировать как разделенный на две взаимоисключающие друг друга части, то человек представляет собой амбивалентное единство социально-приемлемых и нежелательных черт. В этом смысле законодательство, поддерживающее профанные основания социального универсума, ограничивает человека, поэтому трансгрессия является необходимым механизмом испытания той полноты бытия, которая достигается посредством нарушения общепризнанных границ.

4. Будучи способом достижения подлинного бытия, трансгрессия предполагает осуществление индивидуальной свободы человека, которая актуализируется как суверенность. Суверенность и трансгрессия взаимно обуславливают друг друга, поскольку суверенность проявляется в актах трансгрессии как действенное нежелание следовать заданным условиям, но и трансгрессивное нарушение законов общества возможно только как реализация суверенной воли человека.

5. Посредством трансгрессии человеком достигается осознание и переживание собственной конечности, которое недоступно в рамках социально-приемлемого поведения. Механизмы профанного миропорядка призваны исключить смерть и ее проявления из социальной жизни, поскольку смерть представляет определенную угрозу эффективности общественной жизни. С другой стороны, при встрече с собственной конечностью человек осуществляет себя именно как человек, и поэтому он ищет способы испытания конечности. Поскольку социально-допустимые практики не предлагают способа достижения подобного опыта, человек вынужден достигать его в рамках трансгрессии.

6. Трансгрессия всегда предполагает осознание человеком недопустимости трансгрессивного акта с точки зрения общепринятых законодательства и морали. Именно кощунственность, запрещенность определенного поведения делает его трансгрессивным.

7. Трансгрессия реализуется в обществе на двух уровнях: как организованная трансгрессия, и как трансгрессия индивидуальная, которые при этом не

исключают друг друга, но наоборот – взаимно обуславливают. Организованные трансгрессивные практики предполагают коллективный выход за границы профанного миропорядка. К таким практикам относятся праздник, жертвоприношение, пиршество, игра, война. Коллективное осуществление трансгрессивного выхода за границы допустимого способствует социализации, снимает напряженное чувство вины, позволяет всем членам группы приобщиться к трансгрессивному опыту. К индивидуальным проявлениям трансгрессии относятся эротизм, смех, трансгрессивный язык, убийство. На этом уровне человек может противопоставлять себя целому обществу в трансгрессивном акте, а может, наоборот, соединяться в нем с другими людьми.

Важно также заметить, что различие между коллективными и индивидуальными практиками трансгрессии не отменяет другое важное делением форм трансгрессии на предписываемые и возбраняемые обществом. Наряду с трансгрессией, категорическим образом нарушающей социальный порядок, будь то индивидуальное убийство или коллективный бунт, существуют также такие формы трансгрессии, которые на разных этапах исторического развития общество настоятельно предписывало к совершению: праздник, карнавал, игровые и культовые практики и др. Это еще раз подчеркивает социальный смысл трансгрессии.

8. Трансгрессия предполагает выставление на паузу профанного миропорядка, выход за пределы должного и допустимого, приобщение к своей сокровенной сути, реализацию суверенной воли, испытание конечности своего бытия. Многие из указанных аспектов трансгрессии не достижимы в социально-приемлемых формах деятельности, поэтому социальный смысл трансгрессии состоит именно в том, что открывает человеку доступ к таким аспектам бытия, которые в обычной жизни остаются для него закрытыми.

Теоретическая и практическая значимость работы. Проведенное в диссертации исследование проясняет характер тех категориальных и проблемных изменений, которые характеризуют трансформацию философии классической в современную. Диссертационный анализ вносит определенный вклад в критику

рационализма, в дальнейшем развитие инициированной Кантом темы предельности человеческих возможностей, раскрывает переопределение традиционных философских категорий – трансцендирования как трансгрессии, свободы как суверенности, способствуя тем самым расширению методологических возможностей осмысления процессов современной общественной жизни. Исследование понятия и практик трансгрессии в рамках социальной философии обращает внимание на важную часть социальных отношений, связанную с установлением и нарушением границ дозволенного, а также предлагает философское обоснование стремления к подобным нарушениям. Оно позволяет под новым углом взглянуть на проблему становления человека и общества, проблему взаимодействия человека с социальными и моральными нормами, раскрывает ценность на первый взгляд нецелесообразных форм поведения, и потому способствует расширению проблемного поля социальной философии.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в научной работе, в процессе составления программ лекционных курсов и семинарских занятий по социальной философии, философской антропологии и другим философским специальностям. Материалы диссертации могут быть приняты во внимание при философском обосновании позиций, выдвигаемых в общественных дискуссиях по резонансным общественным проблемам, таким как соотношение сакрального и профанного в гражданском обществе, социального порядка, нормы и индивидуальной независимости, культурной традиции и эксцессов, связанных с выходом за ее границы в любом творческом процессе, а также при принятии связанных с ними управленческих решений и социальных программ.

Апробация исследования. Результаты исследования были представлены в рамках научных конференций: «Дни петербургской философии» (Санкт-Петербург, 2012, 2013); «Архетипы российской телесности» (СПбГУ, 2013); XX Международная конференция, посвященная проблемам общественных наук (Москва, 2014); VII Международная научно-практическая конференция

«Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» (Екатеринбург, 2015).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Данная работа состоит из введения, трех глав и заключения. Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются основные цели и задачи, указываются методологические основания исследования, его новизна и основные результаты, а также практическая и теоретическая значимость диссертации.

Первая глава «Генеалогия трансгрессии» посвящена анализу понятия трансгрессии и его эвристической роли в исследовании становления общества, человека и закона. Генеалогическое исследование трансгрессии разворачивается как в социально-историческом, так и в историко-философском плане: и как становление социокультурной нормативности, базовых запретов, проводящих грань между естественным и общественным, и как теоретический процесс генезиса идеи трансгрессии из предшествующего контекста философской мысли.

В **первом параграфе «Идейные истоки философии трансгрессии»** прослеживаются философские основания становления темы трансгрессии как отдельного поля философствования. В качестве оснований автор полагает философские идеи И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и М. Хайдеггера. Также рассматриваются исторические основания философии трансгрессии, под которыми в данном исследовании понимаются разрушительные войны и революции XX века, расшатавшие фундаментальные границы человечности, что сделало тему нарушения границ дозволенного вновь актуальной.

Во **втором параграфе «Амбивалентность человеческой природы»** рассматривается процесс выхода человека из природного порядка, отказ пребывать в мире согласно естественным законам. Граница между природным и социальным возникает вместе с основными запретами культуры. Запрет призван оберегать общество от естественных влечений, которые еще сильны в человеке, но уже понимаются им как деструктивные. Результатом нарушения основных вето культуры никогда не может стать возвращение к естественному или

животному состоянию. В основе трансgressирования человеком любых заданных рамок его существования лежит стремление к недостижимой для него тотальности бытия.

Третий параграф «Социальный смысл запрета» посвящен рассмотрению возникновения инстанции запрета как необходимого механизма поддержания стабильности общества. Отдельное внимание в этом контексте уделяется феномену сакрального. Амбивалентность сакрального заключается в том, что оно несет в себе два аспекта – священное и нечистое, отвратительное и желанное – которые в одинаковой степени подлежат запрету в рамках обыденной трудовой деятельности. Сакральное понимается как продукт общественного закона, оно целиком относится к социальной метафизике, отличаясь от религиозного концепта святого или божественного, которое мыслится как безусловно положительное в ценностном отношении и как онтологически безотносительное к социальному нормативному порядку. Сакральное, таким образом, одновременно и конституируется социальным порядком, и лежит в его основе.

В четвертом параграф «Предел и трансgressия» осмысляется соотношение понятий предела и границы, а также формулируется ключевое для исследования определение трансgressии. Констатируется, что человеческая жизнь ограничена непреодолимыми пределами конечного и возможного, которые не могут быть сняты. Предел, понимаемый как непреодолимые крайние пороги человеческого бытия, отличается от границы, мыслимой через искусственные конструкты, актуализированные в запретах и нормах, принципиально нарушаемых. Трансgressия в этой перспективе понимается как неприятие и потому оспаривание крайних пределов. Хотя последние пределы не могут быть в полной мере преодолены, человек все же может максимально приблизиться к ним в актах трансgressии. Трансgressия запрета понимается как необходимая, именно человеческая форма взаимодействия с реальностью в той же мере, в какой установление закона и следование ему присуще только человеку. Опыт трансgressии оказывается испытанием не только социальных границ, но и границ собственной человечности, их обнаружением и осознанием. Социальный смысл

трансгрессии заключается не только в доказательстве от противного необходимости общественного закона, но и в дополнении ценности рациональной деятельности ценностью нецелесообразной сферы игры, праздника, смерти, эротизма или безумия.

Итогом первой главы становится утверждение, что рождение общества, культуры и существование человека могут рассматриваться как осуществляющиеся на грани предельного и беспредельного, как процесс установления и нарушения границ.

Во **второй главе «Аналитика трансгрессии»** рассматриваются основания и содержание трансгрессивного опыта, осуществляется попытка тематизации ключевых аспектов трансгрессии, проясняется ее соотношение с сопряженными понятиями трансцендирования и преступления.

Первый параграф «Бунт как утверждение и оспаривание границы» посвящен осмыслению взаимосвязи трансгрессии (Ж. Батай) и бунта (А. Камю), оказывающихся источником как конструктивных социальных изменений, расширяющих границы возможного, так и отрицательных социально-критических устремлений. Бунт и трансгрессию роднит заключающаяся в них негация. И акт бунта в философии Камю, и акт трансгрессии в философии Батая не являются порождающими видами деятельности, они родственны растрате, а не созиданию. Однако заключенный в них потенциал несогласия и оспаривания устремлен к утверждению ценности и осуществлению полноты человеческого бытия.

Во **втором параграфе «Трансгрессия нисходящая и восходящая»** автор показывает, что отказ подчиняться законам природы уже может пониматься как акт трансгрессии, поскольку граница, разделяющая дозволенное и недозволенное, актуализируется именно в ее первичном нарушении. Такую трансгрессию можно условно назвать восходящей, созидательной трансгрессией – в противоположность трансгрессии нисходящей, которая не создает новых границ, но нарушает лишь уже существующие. Если нисходящая трансгрессия зачастую имеет негативную коннотацию, то трансгрессия восходящая может пониматься как созидательный акт, поскольку она не просто нарушает границы, она расширяет социальную и

культурную реальность, выходя за пределы познанного и освоенного универсума, она оказывается источником новаторства и творчества.

Основной темой **третьего параграфа «Концептуальная романтизация зверя»** становится взаимоотношение человека и животного. По мнению Дж. Агамбена, животное в целом оказывается той точкой отсчета, к которой человек обращается в процессе саморефлексии. Однако постницшеанская философия уже не рассматривает различие человека и животного как однозначно свидетельствующее в пользу человека. Не человек, а животное под именем зверя берется философией трансгрессии в качестве олицетворения суверенности. Подчиненный социальному закону и культурным запретам человек испытывает нехватку части самого себя, находится в состоянии лишения ряда своих возможностей. Отсюда его тоска по имманентности животного существования. Тем не менее, никакая трансгрессия не в состоянии вернуть человеку то животное, естественное, спонтанное и органическое существование, из которого он произошел. Из культуры для человека нет выхода в природу. Нарушая моральные табу и юридические законы, человек пытается трансгрессировать культуру, выйти за пределы ее ограничений, но обречен при этом оставаться в искусственном и противоестественном мире запретного. Нет ничего более культурного и социального по своей сути, чем преступление.

В **четвертом параграфе «Родство священного и проклятого: опыт кощунства»** поднимается вопрос о связи трансгрессии с идеей греха, святотатства. Греховность в определенном смысле есть проявление трансгрессивности человека. Тем не менее, идея греха гораздо уже трансгрессии, поскольку грех в целом апеллирует к понятию зла. Трансгрессия является преодолением границы, но само нарушение границы не всегда является негативным. Понимание трансгрессии как греха сводит ее к преступлению, в то время как такие явления трансгрессивности как

кошунство и святотатство оказываются не столько грехом, сколько формой доступа к сакральному, священному.

Пятый параграф «Трансгрессия и трансцендирование» посвящен сопоставлению концептов трансгрессии и трансцендирования, раскрываемых как две стратегии преступления границы конечного. Трансцендирование, как и трансгрессия, исходит из фундаментальной незавершенности человека. Согласно К. Ясперсу, в процессе рационалистического и эмпирического познания мира и себя самого человек обнаруживает границы этого мира и собственные границы. Само наличие пределов бытия указывает на запредельность, на трансцендентный мир. Однако сама необходимость и возможность трансцендирования связана с границами, которые налагает на человека его разум. Автор предполагает, что истинно трансцендентным по отношению к человеку является не Бог или Абсолют, а природа, из которой он вышел и в которую не может вернуться. Человеку доступны лишь краткие моменты выхода на границу между конечным и бесконечным, а не прорыв к трансцендентному. Таким образом, трансгрессия выступает как форма актуализации трансцендирования, которая не может вывести человека к собственно трансцендентному, но выводит его к сакрализованной природе, отмеченной печатью запрета.

В шестом параграфе «Экономика расточительства» трансгрессивный опыт исследуется как опыт непроизводительный, который предполагает расточительство в противоположность рациональному стремлению к накоплению. В современном обществе, редуцировавшем до минимума институты дара и потлача, преобладает установка на сохранение и накопление благ. Трансгрессия, напротив, предлагает безудержную и бесполезную трату, принимающую форму войны, революции, производства и потребления предметов роскоши, создания произведений искусства, не имеющих практического назначения.

Седьмой параграф «Суверенность как основа трансгрессии» посвящен анализу феномена суверенности, историко-философских оснований этого понятия и его взаимосвязи с трансгрессивным опытом. Концепт суверенности имеет

долгую историю и черпает свои основания в гегелевской диалектике господства и рабства, ницшеанской идее сверх-человека, а также программе либертинажа маркиза де Сада. Окончательную тематизацию идея суверенности находит в философии Ж. Батая, которой так или иначе переосмыслил предшествующую традицию и представил суверенность как самодостаточность, свободную от подчинения заданным условиям, служения пользе и труду, и потому понимаемую как источник трансгрессивности.

Итогом второй главы становится утверждение о том, что трансгрессия как философский феномен раскрывается на пределе человеческого бытия: в его сближении со зверем или Богом, на последних границах конечного и перед лицом смерти, через парадоксальность кощунственного приобщения к священному, в непроизводительной трате и в каждом суверенном моменте, словом – во всех тех случаях, когда человек делает шаг навстречу запретному в движении отрицания своей незавершенности, конечности, ограниченности.

Третья глава «Практики трансгрессии» посвящена рассмотрению конкретных форм человеческого опыта и социальных практик трансгрессии, реализуемых в том числе и коллективно, одни из которых общественно регламентированы и предписаны, другие оказываются нарушением социального порядка.

Первый параграф «Трансгрессивный смысл праздника» рассматривает праздник, как одно из ярчайших проявлений организованной трансгрессии, встроеной в социальные структуры общественной жизни, и различные исторические формы его осуществления, такие как жертвоприношение, карнавал или пиршество. Праздник как способ актуализации трансгрессии знаком человеку с древнейших времен: он одновременно позволяет снять социальное напряжение, и реализуется как коллективная практика, в рамках которой нарушение границы между профанным и сакральным осуществляется организованно и совместно. На заре цивилизации особой частью архаического праздника являлся ритуал жертвоприношения. Трансгрессивный смысл жертвоприношения раскрывался в опыте смерти, который он предоставлял всем участникам праздника. В ходе

истории феномен праздника теряет былую разрушительность и претерпевает изменения. Так, новой формой коллективного празднества становится карнавал. Смысл карнавала раскрывается в умышленной инверсии существующих норм, отрицании господства разума, в культивировании телесности и в изобилии благ, которые подлежат уничтожению. Важной частью любого праздника является пиршество, в рамках которого реализуется чрезмерное потребление продуктов труда. Пир отличается от обычного употребления пищи тем, что он не направлен на простое поддержание жизненных сил, но, наоборот, является избыточной формой потребления продуктов питания. Совместное расточение ресурсов, потребление их сверх меры знаменует трансгрессивный выход пирующих из порядка пользы и труда навстречу сакральному.

Во **втором параграфе «Правила трансгрессивной игры»** проводится анализ игры и игровых практик, направленный на выявление их трансгрессивной природы. Несмотря на ограничивающий ее свод правил, игра представляет собой трансгрессивную практику, поскольку оказывается выходом из обыденности (Й. Хейзинга): игра разворачивается по ту сторону профанного мира, она не преследует никаких полезных целей. С точки зрения Р. Кайуа, игра ничего не производит, она избыточна и бесплодна, а потому она проявляет себя как чистая и бесполезная трата, что подчеркивает ее трансгрессивный характер. В определенном смысле игра оказывается трансгрессией порядка полезности, а любая трансгрессия имеет игровой характер, поскольку разыгрывается на границе между дозволенным и запретным согласно определенным правилам.

Третий параграф «Трансгрессивность эротики» посвящен осмыслению трансгрессивных оснований эротической деятельности человека. Сексуальность, наряду со смертью, является первейшим предметом социальных культурных запрещений, поэтому доступ к эротике всегда связан с преодолением норм допустимого. Трансгрессивность эротизма обусловлена его связью со смертью в том смысле, в котором эротизм одновременно выступает как непроизводительное расточение жизненных ресурсов и напоминание о природном бытии с его буйством плоти. Поэтому эротическая деятельность человека опутана

множеством запретов, которые, тем не менее, обуславливают эротическое удовольствие. Хотя эротизм является способом актуализации смерти, он также выступает как проявление неограниченности жизни, полноты бытия, которая отчуждается от человека границами профанного мира

В четвертом параграфе «Трансгрессивная природа смеха» смех осмысливается как особая форма человеческого опыта, в которой реализуется возможность человека ощутить полноту бытия, что указывает на трансгрессивные основания феномена смеха. Смех понимается как источник витальной радости, и именно это делает его трансгрессивным, поскольку смех является формой снятия напряжения, в том числе – напряжения социального, разрешения его в ничто. Смех знаменует радость бытия здесь и сейчас, он снимает томительное беспокойство, связанное с неосознанным мучительным страхом смерти, присущим человеку.

Пятый параграф «Язык трансгрессии» посвящен рассмотрению того, каким образом трансгрессия находит свое выражение в языковом поле и почему это оказывается возможным. Важной идеей этого параграфа является мысль о том, что, каким бы образом ни осуществлялась трансгрессия, она всегда является предметом внутреннего опыта. И если трансгрессия актуализируется как переживание смерти или нарушение предела, то неважно, имело ли место реальное нарушение закона, или же трансгрессия была осуществлена в воображении автора литературного произведения.

В шестом параграфе «Трансгрессия безумия» проводится попытка осмыслить феномен безумия через призму трансгрессии. Автор обнаруживает две стратегии понимания связи феноменов безумия и трансгрессии. С одной стороны, трансгрессия часто понимается как проявление безумия, поскольку отрицает рациональность и утилитаризм. Тем не менее, истинная трансгрессия не может быть безумной, поскольку она имеет место там, где происходит целенаправленное, рассудочное нарушение границы. С другой стороны, если трансгрессия не может быть проявлением безумия, то само безумие обладает трансгрессивным характером. Безумие нарушает общественный порядок,

поведение безумца напоминает о животной неразличности в худших ее проявлениях, именно поэтому безумие, как и преступность, подлежит исключению из общества. Тем не менее, можно говорить о том, что безумие – результат именно социальной, цивилизованной жизни человека.

Основной темой **седьмого параграфа «Война и убийство: законность беззакония»** становится осмысление войны как санкционированной, разрешенной трансгрессии запрета на убийство. С одной стороны, война оказывается трансгрессивной формой защиты стабильности общества, поскольку направляет разрушительные стремления человека на внешнего врага. С другой стороны, философия трансгрессии далека и от гуманистического осуждения войны. Значение войны видится в том, что она актуализирует способность к чистой растрате жизни, ценность которой сводится к способности щедро ее жертвовать, а не скупко сберегать.

Восьмой параграф «Власть и трансгрессия» посвящен анализу трансгрессивных оснований феномена власти. Власть рождается из трансгрессивного отрицания всеобщего закона, в результате которого один привилегированный член общества получает право нарушать этот закон. Суверенный правитель находится по ту сторону закона, в этом смысле любая политическая власть по сути своей трансгрессивна – она вне профанного миропорядка. Если в результате народного недовольства правитель будет свергнут, то суверенитет революционного народа, трансцендирующего существующую законность, приобретет всю полноту законной власти и, тем самым, лишится статуса преступника, который предполагается оспариванием действующей власти правителя, что автоматически конституирует народ в качестве легитимного законодателя. Такова логика сакрализации власти в философии трансгрессии.

Девятый параграф «Анархизм и революция в дискурсе трансгрессии» рассматривает, каким образом трансгрессия проявляется в условиях революции. Трансгрессивность революции обуславливается осуществляемым ею отрицанием государственной, законной власти, что выводит революцию на один уровень с

преступлением. Мыслители анархистского толка ставили под сомнение легитимность государственных законов и в целом призывали отказаться от института власти, поскольку основанием любой власти является насилие. Однако выступая против насилия со стороны государства, революция вынуждена сама применять крайнюю степень насилия в достижении своих целей. Это противоречие возникает неизбежно, ибо трансгрессия неотделима от насилия, сакрализованного как философией трансгрессии, так и теорией революции.

Итогом третьей главы становится признание социального характера явлений трансгрессии, которая в рамках конкретного социального и индивидуального опыта позволяет человеку приобщиться к таким видам переживаний, которые в обычной жизни остаются для него закрытыми.

В *Заключении* подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования. Автор подчеркивает необходимость исследования феномена трансгрессии, которая обусловлена сохраняющейся на протяжении человеческой истории тенденцией испытывать и нарушать границы дозволенного, определенные социальными и моральными нормами. Можно утверждать, что человеческое бытие в целом разворачивается во взаимодействии с некоторым пределом, будь то предел, конституирующий социальный универсум, или же предел человеческой конечности. Ярче всего стремление к испытанию этого предела выражается в актах трансгрессии, именно поэтому трансгрессия становится предметом интереса в рамках социальной философии.

Понимаемая одновременно как условие становления общества и продукт социальной жизни человека, трансгрессия оказывается одной из форм осуществления человечности, поэтому она не может быть просто исключена из жизни общества: наоборот, она вписывается в нее в виде различных социальных практик и форм человеческого опыта, которые реализуются на пределе бытия, разделяющем профанный и сакральный миры, а зачастую – и по ту сторону законности. Посредством нарушения законов общепринятого человек преодолевает собственную ограниченность и осуществляет личную суверенную

волю. Это обуславливает несомненную ценность трансгрессивного опыта, который находит свое выражение в определенных формах человеческого опыта, реализуемых в том числе и коллективно, в виде конкретных социальных практик, в рамках которых реализуются те человеческие стремления, которые не могут найти удовлетворения в обыденных формах социальной активности.

Необходимо заметить, что с учетом изменений в современном обществе и расхождений в понимании фундаментальных ценностей в западном, восточном и российском обществах, тема трансгрессии предлагает широкое поле для дальнейших исследований в области социальной философии.

Основные положения диссертационного исследования изложены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Каиштанова С.М.* Трансгрессивная природа смеха // Научное мнение, № 11 (1), 2014. С. 87 – 91. – 0,4 п.л.

2. *Каиштанова С.М.* Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11(2), 2014. С.95–97. – 0,3п.л.

3. *Каиштанова С.М.* Эротика как форма индивидуальной трансгрессии // Гуманитарные и социальные науки, №1, 2015. С. 90 – 102. – 0,7 п.л.

Другие публикации:

1. *Каиштанова С.М.* Трансгрессивная природа праздника // Праздник и риск: творчество жизни. Сборник трудов. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 49–55. – 0,5 п.л.

2. *Каиштанова С.М.* Война как допустимая трансгрессия запрета на убийство // XX международная конференция посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук: Международная научно-практическая конференция, г. Москва. М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. С. 108–111. – 0,4 п.л.

3. *Каиштанова С.М.* Трансгрессивный смысл пира // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. № 2 (10), 2015. С. 103–105. – 0,3 п.л.